

⁴² *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 65.

⁴³ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 54–55.

⁴⁴ Красный архив. 1924. Т. 5. С. 120. Подробнее см.: *Бородин А.П.* Столыпин. Реформы во имя России. С. 105–112.

⁴⁵ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство... С. 128, 131. В результате его рассмотрение затянулось и закончилось отклонением Государственным советом с молчаливого согласия правительства в июне 1914 г. Волостное земство было создано лишь Временным правительством.

⁴⁶ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 185.

⁴⁷ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991. С. 213.

⁴⁸ Проект предусматривал введение сборов городским самоуправлением с утверждения нескольких министров. Совет проголосовал за установление таких сборов лишь в законодательном порядке.

⁴⁹ Государственный совет. Сессия 5. Стенографические отчеты. СПб., 1910. Стб. 832–841.

⁵⁰ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство... С. 146–147.

⁵¹ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 359.

⁵² *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство... С. 207–208.

⁵³ Избрание членов Государственного совета землевладельцами было временным. После создания земств это право автоматически переходило к ним. (См.: *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... С. 220–226).

⁵⁴ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 542.

⁵⁵ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство... С. 220–221.

⁵⁶ *Шидловский С.И.* Воспоминания. Ч. 1. Берлин, 1923. С. 194.

⁵⁷ Государственная дума. Созыв 3. Сессия 4. Стенографические отчеты. Ч. 3. СПб., 1911. Стб. 2850–2863.

⁵⁸ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 541–543.

⁵⁹ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С. 177.

⁶⁰ Там же. С. 155.

© 2012 г. **И. В. ОМЕЛЬЯНЧУК***

ПРАВЫЕ ПАРТИИ И П.А. СТОЛЫПИН

Взаимоотношения П.А. Столыпина и правых партий уже привлекали к себе внимание исследователей. С.А. Степанов в своей монографии рассмотрел связи монархического движения с правительством¹. А.П. Бородин осветил позицию правых политиков, не связанных непосредственно с монархическими организациями². А.В. Репников раскрыл оценку правыми политического курса Столыпина³. Из специальных исследований следует выделить статью Д.Д. Богдаевского⁴, посвященную деятельности одного из лидеров Союза русского народа (СРН) Н.Е. Маркова и его контактам с членами Совета министров. Тем не менее степень зависимости власти от политической поддержки монархистов, роль высокопоставленных сановников в расколе СРН, влияние правительственных субсидий на формирование политики правых еще нуждаются в изучении.

Уже в июне 1906 г. председатель Русской монархической партии (РМП) и редактор «Московских ведомостей» В.А. Грингмут выразил полное одобрение действиям Столыпина, фактически сорвавшего начатые по инициативе Д.Ф. Трепова переговоры о приглашении кадетов в правительство⁵. России, заявлял по этому поводу Грингмут, нужны «серьезные, деловитые, честные русские министры», а Петербургу «ради дешевой популярности», нужны «красенькие», если не «красные» общественные деятели. «Слава Богу, – восклицал он, – что вся эта затея... рухнула!»⁶

* **Омельянчук Игорь Владимирович**, доктор исторических наук, доцент Владимирского государственного университета.

В условиях «думской монархии» министру внутренних дел, по словам его товарища С.Е. Крыжановского, «приходилось искать опоры в зарождавшихся партийных организациях правых»⁷. Поэтому Столыпин достаточно лояльно относился к СРН, сыгравшему, по его мнению, в 1905–1906 гг. «крупную, можно сказать, историческую роль» и оказавшему «существенную помощь и содействие правительству в деле подавления революционного движения»⁸. Председателю СРН А.И. Дубровину по личному распоряжению Столыпина «было назначено пособие на нужды Союза и на издание газеты “Русское знамя” в размере 15 000 руб. в месяц»⁹. Покровительствовал министр и региональным организациям правых. Так, 28 июня 1906 г. он отправил грозную телеграмму владимирскому губернатору И.М. Леонтьеву, указав ему, что «Союз является закономерно действующим», и не следует стеснять деятельность его местного отдела¹⁰.

Назначение Столыпина председателем Совета министров представители правых партий восприняли положительно, надеясь, что новый глава правительства, отличившийся твердостью на посту Саратовского губернатора, сумеет подавить революцию. Лозунг Столыпина – «сначала успокоение, потом реформы» – полностью соответствовал представлениям правых. «Когда у вас горит дом, – писал Грингмут, – вы должны, прежде всего, потушить пожар, а затем уже строить новый дом. Одновременно тушить и строить было бы верхом безумия»¹¹. И если относительно сущности предполагаемых реформ «с правительством нужно было бы еще столкнуться», то в деле «успокоения», как утверждал Грингмут, правые могли «смело... сочувствовать политике П.А. Столыпина». Лидер РМП полагал, что «эта политика постепенно, логическим путем, придет к тем мерам, которые действительно могут раздавить революцию и затем проложить путь к новой национальной жизни России»¹².

12 августа 1906 г. на Столыпина, проживавшего тогда на даче на Аптекарском острове, было совершено покушение. Дубровин случайно оказался первым врачом, прибывшим на место взрыва. По словам председателя СРН, Столыпин лично попросил его сделать перевязку сыну и дочери. «Сколько возможно я принял меры», – скромно отмечал Дубровин¹³. Старшая дочь министра несколько иначе вспоминала про этот эпизод: «Между просителями был доктор, которого я уже раньше встретила в саду. Отыскав его, я привела его к Аде. Но помощи он оказать мне мог очень мало, так как совершенно потерял голову»¹⁴.

Покушение на Столыпина, в результате которого погибло 27 человек, в том числе члены «Русского собрания» генерал-майор А.Н. Замятин и кн. Н.В. Шаховской, дало этой организации повод обратиться к главе Совета министров с политической декларацией. Выразив сочувствие ему и его детям, получившим тяжелые ранения, члены Собрания требовали «всю государственную мощью, властно обуздать крамольников и рассеять их преступные организации и сообщества..., найти и покарать руководителей и вдохновителей революции», которыми «часто являются, непостижимым образом, лица из администрации, нередко весьма высоких степеней». «Они должны быть смещены и подвергнуты заслуженной каре», – считало Собрание. В ответной телеграмме Столыпин благодарил членов Собрания за выраженные ими чувства и призывал их «на помощь правительству в восстановлении порядка и спокойствия»¹⁵. На состоявшемся спустя две недели в Петербурге заседании все выступавшие «сходились на сочувственной оценке принимаемых правительством по отношению к политическим преступникам строгих карательных мер», но «по вопросу об отношении... к общему направлению политики нынешнего правительства не было постановлено определенного решения»¹⁶.

Тем не менее в опубликованной 28 декабря 1906 г. предвыборной программе «Русское собрание» все же выразило свою поддержку политике Столыпина, заявив, что «первою заботою правительства» должно быть восстановление «полного спокойствия, порядка и законности в стране», и «в этих видах Собрание заранее отрешается принципиально от предвзятой борьбы с правительством». Кроме того, оно одобрило введение военно-полевых судов и даже предлагало распространить их деятельность

«на все пространство империи для всех преступлений политических и неполитических, имеющих открыто разбойничий или мятежный характер». Программа Собрания, хотя и с некоторыми оговорками, признавала также «совершенную неизбежность в законодательстве» 87-й статьи Основных законов Российской империи, которой Столыпин впоследствии весьма часто и успешно пользовался для проведения через Думу нужных ему законопроектов¹⁷.

К осени 1906 г. «в актив послужного списка» Столыпина Грингмут ставил: «1) разгон Думы, 2) предание суду (хотя, к сожалению, запоздалое) Выборгских изменников, 3) запрещение кадетского съезда, 4) введение военно-полевых судов, 5) назначение (в некоторые губернии) действительно убежденных русских, преданных самодержавному императору людей». Но «главной заслугой нового правительства» было издание циркуляра, запрещающего чиновникам участвовать в деятельности политических партий, «стремящихся к ниспровержению существующего государственного строя». В этом распоряжении Грингмут усмотрел стремление провести «основательную чистку всей нашей администрации» от «кадетов и социалистов»¹⁸.

Между тем первоочередной задачей нового правительства было проведение думских выборов. Правые выступали за отмену избирательного закона, позволившего революционным партиям пройти в I Думу. «Однако, – писал кандидат Главного совета СРН В.П. Соколов, – министерство хранило упорное молчание». По мнению Соколова, Столыпин «как конституционалист» не хотел изменять избирательный закон без участия Думы, «а если бы и вздумал менять, “решившись на такой антиконституционный акт”, то мог это сделать только в нашу сторону», что привело бы к победе правых, нежелательной для главы правительства, который рассчитывал ими воспользоваться лишь «как средством... против крайних левых и, по миновании надобности, раздавить нас» и «провести конституцию»¹⁹.

Учтя опыт первой избирательной кампании, давшей стране «революционную» Думу, правительство решило вмешаться в выборы, дабы создать Думу «работоспособную». Главная роль в ней отводилась «Союзу 17 октября». Сам Столыпин в сентябре 1906 г. говорил Грингмуту, «что выборы в новую Думу будут производиться по тому же закону, как и в первую, с тою только разницей, что тогда правительство совсем устранилось от выборов, а теперь – наоборот, будет стараться, чтобы выборы дали хороших людей»²⁰. Глава правительства просил помочь ему в создании коалиции правых и октябристов. Грингмут согласился, но камнем преткновения для блока черносотенцев и октябристов стал еврейский вопрос. Председатель РМП, рассуждая на общем собрании партии 19 ноября 1906 г. о возможном союзе с октябристами, потребовал от них «высказаться ясно» против еврейского равноправия²¹. В январе 1907 г. Грингмут даже предложил им устроить идеологический диспут и оправдаться «1) в полном равнодушии к православной Церкви; 2) в желании ограничить самодержавие русского царя, и 3) в стремлении предоставить евреям неограниченное равноправие во всей России». Как считал редактор «Московских ведомостей», «эти три вопроса кладут такой резкий предел между всеми существующими в России партиями, с одной стороны», и монархистами с другой, что без единодушия в их решении ни о каком взаимодействии «и речи быть не может»²². «Союз 17 октября» отказался от дебатов, и тогда Грингмут через газету заявил, что «октябристы увильнули», и тут же возложил на них ответственность за возможную победу «кадетов» и «трудовиков»²³.

Столыпин попытался склонить к блоку с октябристами и крайне правый СРН. В конце августа – начале сентября 1906 г. в Петербурге прошел съезд председателей отделов Союза, резолюции которого, ввиду отсутствия в столице императора, отдыхавшего в финляндских шхерах, были представлены Столыпину. Тот «очень любезно принял депутацию в числе более 30 человек и долго с ними беседовал, заверяя, что он вполне солидарен с их намерениями. Затем глава Совета министров предложил своим собеседникам создать предвыборный блок с октябристами, попросив присутствующих «не оглашать слышанного от него»²⁴. Тем временем несколькими днями ранее съезд

уже отверг эту идею; не поддержал ее и Главный совет СРН. Да и сами октябристы сомневались в возможности соглашения с правыми. А.И. Гучков не без ехидства писал: «Истинно-русские люди совсем погубят просто русских»²⁵.

Но если лидеры правых и октябристов осторожно относились к сотрудничеству в ходе избирательной кампании, то на местном уровне контакты были более тесными. Так, В.И. Ленин отмечал, что накануне выборов трудно определить, где «кончается черносотенец и начинается октябрист»²⁶. На выборах правые и октябристы объединялись в двух десятках городов. Правда, в некоторых из них правые, выполняя распоряжения руководства СРН, разорвали предвыборные соглашения, что, по мнению националиста А.И. Савенко, «губительно отозвалось на результатах выборов для русских партий»²⁷. Избирательная кампания завершилась поражением правых – их численность в Думе не превышала трех десятков человек, многие из которых не были связаны с какими-либо партиями.

Выборы разочаровали и правительство, поскольку Дума получилась еще более революционной, чем предыдущая. Как писал Соколов, задуманная Столыпиным комбинация, предусматривавшая создание в Думе «послушного его дирижерской палочке конституционно-бесцветного большинства», разбавленного «для пикантности прений» на правом крыле «обманутой им кучкой монархистов», а на левом – «20–30 учтивыми кадетиками», провалилась. Глава правительства не учел «наше неожиданное упорство и нежелание заключать блока» с октябристами, а также активизацию левых, бойкотировавших предыдущую Думу. Сказалось и «неверное представление о силах Союза 17 октября». Результат выборов, утверждал Соколов, «перевернул все расчеты Столыпина и если раньше он нам просто не сочувствовал, то теперь у него явилось прямо чувство недоброжелательства»²⁸. Член Главного совета СРН А.А. Майков еще категоричнее выразился по поводу изменения отношения власти к черносотенцам: «Правительство бесстрашно накладывает на нас свою всесокрушающую длань, которую боится наложить на революционеров»²⁹.

Резко критиковалась правыми и политика Столыпина в еврейском вопросе. Еще в сентябре 1906 г. «Русское собрание» предупреждало главу правительства, что введение для евреев «полного равноправия, несомненно, вызовет ужасающий взрыв народного гнева и мести по всей империи»³⁰. В ноябре 1906 г. газета «Россия», превратившаяся при Столыпине в правительственный официоз, опубликовала статью, в которой правительству приписывался план расширения прав еврейского населения. Грингмут в «Московских ведомостях» назвал эту идею капитуляцией и заявил, что она «позорнее, чем капитуляция Портсмутская»³¹. В следующем номере газеты напоминалось, что правые «все время стояли за правительство П.А. Столыпина и не могли допустить мысли, чтоб оно могло решиться на такую вопиющую несправедливость, как на выдачу евреям премии за поднятую ими крамолу»³². Между тем в декабре 1906 г. глава Совета министров представил Николаю II записку, в которой высказывался в пользу постепенного расширения прав евреев. В ней указывалось, что это успокоит «неревolutionную часть еврейства» и избавит «наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений». К тому же, Столыпин рассчитывал, что «дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок»³³.

6 марта 1907 г., обращаясь к левым депутатам, Столыпин произнес с думской трибуны свою знаменитую фразу: «Не запугаете!» Правая часть Думы встретила это заявление овациями, однако печатный орган СРН «Русское знамя» описывал этот эпизод с явным раздражением: «Да будет ведомо Столыпину, что русский православный народ только смеется над его словами “не запугаете”. Когда-нибудь настанет время и время это наступит очень скоро, когда мы не позволим дурманить русских граждан обещаниями заморской конституции, кадетскими бреднями. Нет, все говорит, что настала пора покончить все политические счета с нынешним столыпинским правительством»³⁴. «Мы помогли правительству дать отпор революции, – писал Майков. – Правительство расхрабрилось. Оно говорит революции: “Не запугаете”. Очевидно,

оно где-то нашло себе какую-то таинственную опору»³⁵. Как полагал Соколов, этой опорой правительства являлись «шкурные интересы чиновного мира» и «надежда, что революция и самодержавная монархия пожрут друг друга»³⁶.

Правые настойчиво предлагали разогнать II Думу и объявить, что она не могла представлять интересы России, поскольку из-за несовершенства избирательного закона в ее состав прошли лица, не имеющие ничего общего с русским народом. При этом они сознавали всю сложность положения главы правительства. По словам Соколова, Столыпин «отлично понимает, что распусти он Думу – он должен уйти и сам». «Ибо всякому ясно, – отмечал Соколов, – что министр, вопреки всему, утверждавший, что соберет работоспособную Думу и собравший революционную, должен уйти»³⁷. 21 марта 1907 г. А.В. Богданович писала в дневнике: «Сегодня Пуришкевич хотя и не ругал Столыпина, но чувствуется, что он им недоволен»³⁸.

Конечно, правые несколько преувеличивали «конституционализм» Столыпина. Уже 20 апреля 1907 г. В.М. Пуришкевич из беседы с главой правительства вынес убеждение, что тот готов «разогнать Думу, но ждет это сделать, так как общественное мнение возбуждено Думой, но враждебно к ней еще не относится»³⁹. Правые с самого начала доказывали, что общественность настроена против II Думы. Уже через неделю после ее открытия Пуришкевич, по сведениям П.Н. Милюкова, разослал в местные отделы СРН секретный циркуляр, в котором предписывалось «как только появится знак креста в органе Союза “Русском знамени”... тотчас же начать обращаться настойчивыми телеграммами к Государю императору и к председателю Совета министров Столыпину, и в телеграммах настойчиво просить и даже требовать: а) немедленного роспуска Думы..., и б) изменения, во что бы то ни стало, избирательного закона»⁴⁰. В середине марта 1907 г. на первой странице «Русского знамени» появился черный крест, и в столицу хлынул поток телеграмм, призывавших распустить Думу⁴¹. Масшированная информационная атака правых на Думу в известной степени обеспечила легитимность ее роспуска: Николай II решился на этот шаг только после того, как монархические организации уверили его во «всенародной» поддержке⁴².

Сам роспуск также не обошелся без участия правых. 1 июня 1907 г. Столыпин с думской трибуны потребовал лишить депутатской неприкосновенности членов социал-демократической фракции, обвиненных в причастности к антигосударственному заговору. Сразу после этого слово взял Пуришкевич, предложивший немедленно предать их военному суду и повесить «в 24 часа»⁴³. Возможно, именно это провокационное выступление помешало Думе попытаться найти компромисс, и она отвергла ультиматум главы правительства.

Монархисты приветствовали разгон «крамольной» Думы, однако стремление Столыпина сохранить представительные учреждения в политической системе страны не соответствовало ожиданиям крайне правых, которые выступали за возвращение к «доманифестному» режиму. По словам Крыжановского, «Русское знамя» приняло «такой тон по отношению к правительству, что пришлось поприжать Дубровина», а также прекратить выдачу ему субсидий⁴⁴. Лишившись дотаций, председатель СРН обратился за содействием к начальнику Петербургского охранного отделения А.В. Герасимову, который «поставил прямым условием... заступничества обещание Дубровина прекратить нападки на Столыпина». По свидетельству Герасимова, «Дубровин такое обещание дал, поклявшись перед иконой». Столыпин «говорил, что плохо верит в клятву Дубровина, но «в конце концов... уступил и распорядился о выдаче 25 тысяч рублей». «А буквально на следующий день, – вспоминал Герасимов, – я прочел в “Русском знамени” одну из наиболее резких статей, направленную против Столыпина, какие когда-либо в этой газете появлялись»⁴⁵.

В ответ глава правительства стал применять против правой печати административные санкции. Так, сумма штрафов, наложенных в 1907 г. на «Русское знамя», составила 4 тыс. руб.⁴⁶. По поводу органа Почаевского отдела СРН, резко критиковавшего как председателя Совета министров, так и первенствовавшего в Св. Синоде митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Антония (Вадковского), Столыпин лично пи-

сал обер-прокурору Св. Синода П.П. Извольскому: «Считаю своим долгом просить, не признаете ли Вы возможным и соответственным прекратить дальнейшее издание “Почаевских известий”, во избежание скандала закрытия их в административном порядке»⁴⁷. Несколько позже «Русское знамя», характеризуя отношение власти к правой печати, указывало: «“Либеральнейший обновитель России” П.А. Столыпин пользуется чрезвычайною охраною, чтобы штрафовать правую печать за выпады, сделанные против него лично, и отказывается применять систему административных штрафов в тех случаях, когда левая печать делает самые гнусные выпады против сановников, известных своею непоколебимой преданностью православию, русской народности и царскому самодержавию»⁴⁸.

В ходе избирательной кампании в III Думу правительство вновь попыталось создать блок правых и октябристов, воспользовавшись тем, что товарищ председателя СРН Пуришкевич, отстранив Дубровина, фактически узурпировал власть в Союзе. В свое время Столыпин способствовал избранию Пуришкевича во II Думу, выделив Владимиру Митрофановичу средства на проведение избирательной кампании⁴⁹. Поскольку он проявил «более понимания и такта», ему была переадресована и правительственная субсидия, ранее выдававшаяся Дубровину⁵⁰. Правой рукой Пуришкевича стал протоиерей И.И. Восторгов. Позже «продубровинская» газета с возмущением писала: «Восторгов и Пуришкевич быстро дезорганизовали ряды правых и возглавили сами себя, полновластно хозяйничая в правом лагере, который они собирались рассеять», а «мешавший предательской махинации в Петербурге Дубровин был отнесен и как бы лишен хозяйственных прав в созданном им же Союзе русского народа»⁵¹.

Возглавив СРН, Пуришкевич «нашел возможным согласиться с предложением бюрократии проводить в Государственную думу октябристов, и по своему самоволию... стал осуществлять эту идею вопреки указаниям... Дубровина»⁵², убеждая своих оппонентов, что блок с октябристами выгоден правым, поскольку среди выбранных в Думу центристов только «единицы уклонятся влево..., но масса, несомненно, подается вправо»⁵³. А прот. Восторгов на тайной встрече, организованной по личному поручению Столыпина, договорился с лидером «Союза 17 октября» Гучковым о создании предвыборной коалиции⁵⁴. По словам одного из лидеров «Русского собрания» Б.В. Никольского, прот. Восторгов получил «от Крыжановского субсидию для производства выборов в Думу людей, желательных для правительства» и «старался устроить, чтобы в Думу попало побольше октябристов... нанимал для этой цели ораторов... и их посылал в разные губернские и уездные города читать лекции и восхвалять октябристов, а из себя эти агенты должны изображать людей “Союза русского народа”»⁵⁵.

В ответ на самовольные действия Пуришкевича Дубровин лишил его «права делать какие-либо распоряжения по Союзу»⁵⁶, а проходивший в Москве 15–19 июля 1907 г. съезд председателей отделов СРН дезавуировал соглашение прот. Восторгова с октябристами и постановил считать официальными документами Союза только завизированные лично Дубровиным⁵⁷. 20 августа прот. Восторгов попытался склонить на свою сторону Главный совет СРН. «Дубровинцы» даже утверждали, что он «на “темные” деньги пытался подкупить» руководящий орган Союза⁵⁸. Однако Главный совет также встал на сторону Дубровина и своим сентябрьским циркуляром (№ 3172) запретил отделам СРН вступать в блок с «партиями, стремящимися к ограничению царского самодержавия (от Партии правового порядка и левее)», а также отказался от использования правительственных денег, предписав местным организациям вести предвыборную кампанию, расходуя «только средства специально пожертвованные частными лицами, но отнюдь не пользуясь средствами, предоставляемыми правительством, так как правительство не имеет нравственного права тратить народные деньги, дабы создать при помощи Союза русского народа октябристскую Думу»⁵⁹.

Перейдя в оппозицию к правительству и отказавшись от коалиций с другими партиями, крайне правые не смогли добиться заметного успеха на выборах. Соответственно изменилось и отношение к ним власти. С.Ю. Витте по этому поводу писал: «Когда нужда в черносотенцах отпала (в Думе их заменили октябристы), брат Столыпина,

публицист в “Новом времени”, сказал по адресу председателя СРН: “Мавр сделал свое дело”»⁶⁰. О том же позднее говорил и Дубровин: «Союз возник в тот момент, когда в стране царил полная анархия, власти растерялись и спрятались, и Россия должна была погибнуть, но явился Союз, подавил революцию и спас Родину,.. тогда вновь явились и правители, забрали власть в свои руки и теперь, чувствуя под ногами довольно твердую почву, начинают говорить нам: “Уходите, Союз был нам не нужен, мы и сами управимся”»⁶¹. К этому времени власть окончательно перестала нуждаться в помощи монархических партий для «водворения порядка» в стране. В новых условиях правительству нужны были уже не отделы СРН с его крестными ходами и боевыми дружинами, а политические партии, способные бороться с оппозицией в Думе. Более того, многочисленный СРН, объединявший несколько десятков различных монархических организаций и насчитывавший около 400 тыс. членов, не признававший законодательную власть Государственной думы и склонный к непарламентским формам политической борьбы, представлял теперь определенную опасность для «думской монархии». В правительственных кругах все чаще видели в черносотенцах «революционеров справа».

В этой ситуации правительство сделало ставку на раскол Союза с целью превратить его умеренную часть в парламентскую партию, а крайне правую – в маргинальную группу, не способную дестабилизировать обстановку. Вскоре представился и подходящий случай. Осенью 1907 г. прот. Восторгов обвинил Дубровина в растрате пожертвованных им на партийные нужды 13 тыс. руб. Председатель СРН переложил вину на Пуришкевича, который, считая «ниже своего достоинства давать какие-либо объяснения», подал заявление о выходе из СРН⁶². Между тем его обращение к лидеру «Союза 17 октября» Гучкову с предложением поддержать запрос правой фракции Думы о беспорядках в учебных заведениях дало Дубровину повод заявить о нарушении устава и постановлений СРН, не допускавших контактов с октябристами⁶³. Под давлением своего председателя Главный совет исключил Пуришкевича из Союза, вменив ему в вину «неблаговидные отзывы о Союзе, самовластие, враждебность Дубровину»⁶⁴. 4 ноября 1907 г. Богданович записала в своем дневнике: «Был у нас сегодня Пуришкевич. Он разочарован тем, что творится и в среде правых, и в “Союзе русского народа”, но не унывает». Действительно, уже 8 ноября Пуришкевич основал новую монархическую организацию – Русский народный союз имени Михаила Архангела (СМА). На нее, по словам Дубровина, он «получил откуда-то 10 тыс. руб.»⁶⁵. «Причиной возникновения Союза, задачи коего тождественны с задачами Союза русского народа, – говорилось в Уставе СМА, – была та смута, которая поднялась в Главном совете Союза русского народа, ставшем местом бесконечных интриг, а не созидательного труда»⁶⁶. В то же время газета «Русский народ» (орган ярославского отдела СРН) прямо утверждала, что главным творцом новой организации являлась «сановная бюрократия»⁶⁷. После смерти Столыпина это признал и Пуришкевич, заявив от имени Союза: «мы должны принести благодарность покойному» – одному из «сильных мира сего... которые в трудной работе, в течение целого ряда лет оказывали поддержку Союзу Мих[аила] Архангела»⁶⁸. Однако СМА, несмотря на все усилия Пуришкевича и поддержку властей, так и не смог превратиться в полноценную парламентскую партию и создать собственную фракцию в Думе. Убедившись в том, что создать парламентскую фракцию существующей партии не удалось, Столыпин пошел другим путем – создал партию из уже существовавшей в Думе фракции умеренно-правых. Так в 1908 г. появился Всероссийский национальный союз.

В 1908 г. правый лагерь переживал не только организационный, но и идеологический раскол. Камнем преткновения стал вопрос об отношении к аграрной реформе. На стороне правительства оказался созданный «сановной бюрократией» СМА, в программе которого провозглашалось, что «Союз поставляет своею обязанностью заботы об увеличении крестьянского землевладения на правах собственности, об улучшении сельскохозяйственной культуры, о снабжении населения усовершенствованными орудиями для обработки земли; вместе с тем Союз будет заботиться о переселен-

цах, оказывая им духовную и материальную поддержку»⁶⁹. Поддержал Столыпина и Марков, принявший осенью 1908 г. активное участие в думских дебатах по поводу указа 9 ноября 1906 г. Он полностью одобрил курс на разрушение общины, видя в ней не только неэффективный экономический институт, но и крестьянскую организацию, представляющую опасность и для властей, и для помещиков. По его мнению, «отдельный русский крестьянин – прекрасный, добрый, хороший, отзывчивый человек, но когда они собираются толпой, когда эту общину разные писаря споят водкой, тогда действительно эта община является зверем, и с этим зверем надо бороться»⁷⁰. Говоря о возможных последствиях реализации столыпинской аграрной реформы, Марков заявил: «Янисколько не опасаясь того, что часть крестьян... неизбежно обезземлеет». Он полагал, что потеряют землю и покинут деревню лишь плохие хозяева: «И скатертью им дорога, пусть уходят»⁷¹. В деревне же должны остаться только крестьяне-собственники или «крестьяне-помещики», как называл их Марков.

Крайне правые же выступили в защиту общины, полагая, что ее уничтожение приведет к исчезновению традиционного крестьянства, в котором они не без оснований видели надежную опору самодержавия. Выступая на I Волжско-Камском областном патриотическом съезде, проходившем 21–25 ноября 1908 г. в Казани, лидер Союза русских людей кн. А.Г. Щербаков утверждал, что «общинный строй землевладения был началом общественности и самоуправления, благодаря которому крестьянство пережило все невзгоды и все тяготы, сохранив свою самобытность, как основу русской народности». По его словам, предпринятый правительством «поход на общину» – это не только поход против известного порядка землевладения – это разрушение сословного начала в крестьянстве, разложение всего крестьянского быта»⁷². Представитель «Русского собрания» Г.А. Щечков также доказывал с трибуны Государственной думы, что указ 9 ноября 1906 г. нарушает сословный строй и принцип коллективной собственности общины на землю⁷³. Не одобрили монархисты и проект судебной реформы, упразднявший институт земских начальников и передававший их полномочия мировым судьям, а также реформу местного самоуправления, лишавшую дворянство ведущей роли в уездной администрации.

После окончания революции 1905–1907 гг. правые консолидированно поддержали правительство лишь в вопросе об обеспечении «державных прав России» в Финляндии. Марков призывал не церемониться с автономией княжества: «Если конституция, данная Финляндии, почему-либо в данное время становится неудобной для русских интересов, то... она должна быть отменена без всяких разговоров»⁷⁴. По мнению Пуришкевича, Финляндию следовало «сделать таким же украшением русской короны, как Царство Казанское, Царство Астраханское, Царство Польское и Новгородская пятина»⁷⁵.

К 1909 г. в СРН обозначился очередной конфликт – входящие в состав Союза представители высших слоев, в первую очередь помещики, образовали так называемое «обновленческое» течение, примирившееся с существованием третьей думской политической системы, символами которой стали Государственная дума и аграрная реформа Столыпина. Его возглавляли депутаты крайне правой фракции Думы Марков и С.А. Володимиров, поддержанные в Главном совете СРН гр. Э.И. Коновницыным и Соколовым, а также членами правой группы Государственного совета А.А. Римским-Корсаковым и М.Я. Говорухо-Отроком. К ним примкнул и Пуришкевич. На противоположной стороне оказались представители крестьянства, мещанства, пролетариата, а также часть интеллигенции. Выразителем их интересов в СРН стал его председатель Дубровин, поддержанный Е.А. Полубояриновой, Н.Н. Жеденовым, академиком А.И. Соболевским и др. Характерными чертами этого течения стали политический традиционализм и неприятие «думской монархии».

Весной 1909 г. имя Дубровина всплыло в связи с началом судебного процесса по делу об убийстве депутата Государственной думы М.Я. Герценштейна, совершенном членами боевой дружины СРН Н.М. Юскевичем-Красковским и А.В. Половневым в 1906 г. в Териоках (в Финляндии). Председателю СРН инкриминировали организацию

этого преступления. Опасаясь возможного ареста, Дубровин покинул Петербург. Член Главного совета СРН П.Ф. Булацель, ссылаясь на одну из иностранных газет, писал в «Русском знамени»: «Процесс Герценштейна принял такой оборот в финляндском суде, что, наконец, Столыпину удастся сломить Союз русского народа, против главарей которого он тщетно борется уже два года»⁷⁶. По мнению Ю.И. Кирьянова, заказчиком убийства являлось охранное отделение, что «вполне укладывается в схему, согласно которой П.А. Столыпин, “умиротворяя” страну... и устраняя опасных подстрекателей “беспорядков” попытался... козлами отпущения сделать А.И. Дубровина и его приверженцев»⁷⁷.

Однако, как отмечал Никольский, выдвинутые против Дубровина обвинения могли ударить и по правительству, поскольку «деньги для уплаты на эти разные темные дела Дубровин получал от Пуришкевича, который, в свою очередь, получал их от Крыжановского с разрешения Столыпина»⁷⁸. Возможно, именно поэтому вина Дубровина так и не была доказана. Однако его отсутствие в Петербурге дало возможность сторонникам Маркова «обновить» состав Главного совета СРН, добившись в нем численного преобладания (отсюда и термин «обновленцы»), и сделать товарищем председателя Союза своего ставленника гр. Коновницына. В июне 1910 г. Дубровин вынужден был якобы «вследствие болезни» сложить с себя обязанности руководителя партии. При этом, по свидетельству самого Дубровина, «г. Римский-Корсаков требовал, чтобы я эту ложь поддерживал, что это нужно для спокойствия в Союзе»⁷⁹. Председателем Союза стал гр. Коновницын, хотя фактическим лидером «обновленцев» был Марков.

Сторонники Маркова не отрицали, что причиной конфликта являлось неприятие Дубровиным третьеиюньской политической системы. В одном из своих воззваний они утверждали, что имя бывшего председателя СРН «будет записано в летопись Союза русского народа как честного борца в революционный период». Но поскольку «в настоящее время революции нет, поэтому нет надобности и в активном выступлении, необходимо заняться мирным трудом»⁸⁰. Сам же Дубровин заявлял, что смена руководства СРН была организована теми, кто хочет «заменить самодержавный образ правления конституционною тираниею»⁸¹.

Большинство монархистов также считали, что очередной раскол в Союзе инспирирован Столыпиным, так как непарламентский СРН, даже ослабленный выходом из него сторонников Пуришкевича, по-прежнему «мешал» правительству. Председатель Киевской РМП Б.М. Юзефович полагал, что «погубить Дубровина и его Союз Министрство внутренних дел и его вдохновители, по-видимому, задались давно и стали подставлять ему ножки еще с начала прошлого года». «Первый случай к тому, – отмечал Юзефович, – празднества в Полтаве»⁸². Летом 1909 г. правительство запретило черносотенным союзам принимать активное участие в праздновании 200-летия Полтавской битвы, опасаясь, что они, воспользовавшись юбилеем, подадут Николаю II адрес с просьбой прекратить реформы. Соболевский считал раскол Союза следствием целенаправленной политики Столыпина, который «правых старых (“дубровинского” толка. – *И.О.*) начал... забирать в руки при помощи Пуришкевича, Восторгова, агентов Департамента полиции»⁸³. Даже Марков позднее признал, что Столыпин «всячески через своих подчиненных поддерживал рознь в Союзе». Правда, лидер «обновленцев» при этом упорно отрицал, что симпатии главы правительства были на их стороне. «По внешности к нам относились хорошо, а в сущности нас уничтожали..., – говорил он, – в одних городах поддерживали наших, в других – дубровинских, в третьих – третьих»⁸⁴.

Бывший министр народного просвещения И.И. Толстой в августе 1910 г. записал в своем дневнике, что в СРН «происходит развал, по-видимому, не без участия, за кулисами, правительства: орган Дубровина “Русское знамя” и орган графа Э.И. [Коновницына] и священника И.И. [Восторгова] окатывают друг друга помоями. По-видимому, правительство поддерживает “Земщину” и обновленный совет Союза против Дубровина»⁸⁵. Сам Столыпин уверял, что «никакой субсидии “Земщина” от Главного

управления по делам печати не получает и кроме штрафов (и то по охране – через градоначальника) других мер воздействия на газету у Главного управления не имеется»⁸⁶. Однако впоследствии Марков подтвердил, что с 1909 г. ежемесячно получал от Столыпина из секретного фонда «на поддержание правого дела и правой печати» 12 тыс. руб., «из которых тысяч 8–9... передавал на “Земщину”»⁸⁷.

Раскол в руководстве СРН затронул и его местные организации. Маркова поддерживали, в основном, столичные и некоторые губернские отделы Союза, в которых ведущую роль играли представители цензовых классов. Низовые же организации СРН в массе своей остались на стороне Дубровина, выступая против «думской монархии» и за неограниченное самодержавие. Это в известной мере нивелировало успех правительства в деле «обновления» Главного совета.

Поэтому когда в августе 1909 г. прот. Восторгов задумал провести в Москве все-русский монархический съезд для примирения «дубровинцев» и «обновленцев» на основе признания третьей ионьюнской монархии и политического курса правительства, замысел этот был одобрен Столыпиным, лично уведомившим московского градоначальника А.А. Адрианова о разрешении «созвать 27 сентября сего года в Москве Съезд русских людей»⁸⁸. Сторонники Дубровина эту идею не поддержали. Никольский ругал «монархический съезд, который устраивает в Москве проходимец Восторгов (в Москве его называют “Экстазов”)), и не сомневался, «что этот съезд находится под влиянием Столыпина»⁸⁹. «Русское знамя» убеждало читателей, что организаторы съезда в действительности стремятся «не к укреплению, а к развалу Союза русского народа», и главную роль в этом играет «протоиерей И.И. Восторгов, успевший за два года своего бытия в Москве устроить там и похоронить 6 союзов»⁹⁰. «Это будет не съезд наших единомышленников, а капкан для доверчивых черносотенцев... – писал редактор “Голоса русского” В.А. Балашов, – не съезд правых, а подготовленное учредительное собрание приверженцев нового строя: а на такое подлое сборище, конечно честные русские патриоты не явятся»⁹¹.

Съезд, прозванный «восторговским», все же состоялся. Однако его резолюции, содержавшие критику аграрной политики Столыпина, не оправдали ожиданий правительства. Делегаты настаивали на том, что закон 9 ноября 1906 г. «нарушает права собственности на надельную землю, которая по положению 1861 года должна служить обеспечением крестьянского быта», и «неизбежно ведет к образованию многомиллионного сельского пролетариата, всегда представляющего огромную угрозу не только спокойствию, но даже и самому существованию государства». Они исходили из того, что надельная земля «не должна ни в каком случае подлежать ни залого, ни продаже, ни иной форме отчуждения». Поэтому участники съезда признали «крайне своевременным и желательным, в отмену разрушающего общину закона 9 ноября, издание нового закона, незыблемо, нерушимо укрепляющего земельную общину»⁹².

После этого правые уже не могли рассчитывать на поддержку правительства. В декабре 1909 г. Главная палата СМА направила Столыпину послание, в котором говорилось, что в интересах развития сети местных отделов Союза его руководство пришло «к заключению о необходимости обратиться за некоторым содействием к представителям местной власти, ближайшей к народу». При этом Главная палата просила министра внутренних дел не отказать «в просвещенных указаниях по адресу подведомственных... должностных лиц», рассчитывая, что «властное разъяснение послужит лучшею опорой деятельности Союза»⁹³. Однако Столыпин не только не удовлетворил эту просьбу, но и направил губернаторам шифрованную телеграмму, напомнив, «что руководство всякой политической организацией» безусловно «воспрещено начальствующим должностным лицам», и обязав их «принять зависящие меры, дабы подобные обращения» политических союзов «оставлены были без исполнения»⁹⁴. Земские начальники вынуждены были отказаться от сотрудничества с СМА. Руководители Союза чувствовали, что им «мешает указ П.А. Столыпина»⁹⁵.

Недовольство правых вызывали и попытки Столыпина взять под контроль «академическое движение» в университетах, объединявшее монархически настроенных

студентов, выступавших за чистую «академическую» науку и против «политики» в учебных заведениях. Еще в конце 1907 г. Столыпин просил министра просвещения А.Н. Шварца «высказаться касательного задуманного им создания в университетах особых академических союзов.., которые, по его мысли, должны были противодействовать существующим в университете левым организациям»⁹⁶. Однако Шварц, вопреки ожиданиям главы правительства, высказался против этого.

Столыпин понимал, что возникшее стихийно в стенах университетов монархическое движение лучше поддержать и поставить под правительственный контроль, дабы оно не попало под влияние правых партий, как это случилось с петербургским «Кружком русских студентов», примкнувшим к «Русскому собранию»⁹⁷. Поэтому, когда в мае 1909 г. министр народного просвещения воспрепятствовал регистрации нескольких академических организаций, глава МВД поручил директору своей канцелярии И.Г. Кнолю облегчить «скорейшее проведение этого дела по инстанциям.., ввиду исключительно полезных целей означенных студенческих обществ»⁹⁸. Кроме того, академики получали от правительства субсидии, перечисляемые через студента (затем – приват-доцента) Л.А. Балицкого и Пуришкевича. Крайне правым оставалось лишь продемонстрировать свое возмущение. Так, Никольский после встречи главы Совета министров с членами академической корпорации Лесного института в октябре 1910 г. «ругал академический клуб, студентов-академиков, Столыпина, Пуришкевича, называя, что это клуб сыщиков и проч., что своим посещением этого клуба Столыпин подчеркнул, что они его “полиция” и проч., что они живут субсидиями от него»⁹⁹.

Окончательный разрыв между правыми и Столыпиным произошел весной 1911 г., когда, воспользовавшись 87-й статьей Основных законов Российской империи, он в чрезвычайном порядке провел закон о введении земских учреждений в шести западных губерниях, ранее отклоненный Государственным советом благодаря усилиям П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова. Пуришкевич заявил тогда с думской трибуны, что о подобных действиях главы правительства «только один холоп может молчать». Напоминая, что заслуги Столыпина «не могут сравниться в смутные годы с заслугами П.Н. Дурново», Пуришкевич обвинял премьер-министра в подрыве авторитета Государственного совета, сведении личных счетов с политическими противниками (Дурново и Трепов по указанию императора вынуждены были временно прекратить свою политическую деятельность) и стремлении «попасть в Бисмарки». «Но для того, чтобы попасть в Бисмарки, – назидательно отечал лидер СМА, – нужно отличаться проницательным умом и государственным смыслом; а в этом поступке нет ни проницательного ума, ни государственного смысла». Между тем Столыпин лишь «добился полного объединения, за малым исключением, всего благомыслящего русского общества... в оппозиции самому себе». Отвечая выступавшему ранее националисту В.В. Шульгину, говорившему о незаменимости председателя Совета министров в сложившейся обстановке, Пуришкевич прямо заявил, что в России и помимо него много талантливых людей¹⁰⁰. Несколько позже Владимир Митрофанович выступил в стенах «Русского собрания» с докладом «Национализм и истинный патриотизм (развернутая критика столыпинской политики и идеологии Всероссийского национального союза – по следам мартовского кризиса)»¹⁰¹. Глава правительства в долгу не остался: в интервью одной из немецких газет он заявил, что «Дума Пуришкевича» для него также неприемлема, как и «Дума Милюкова»¹⁰².

За критику политического курса Столыпина лидер СМА удостоился похвалы даже от своих оппонентов из «дубровинского» лагеря, посчитавших это первым шагом к сближению. 24 марта 1911 г. Н.А. Тиханович-Савицкий отправил Пуришкевичу телеграмму: «Приветствую за правду, сказанную Вами о Столыпине, идите к Дубровину, помиритесь, работайте вместе, как прежде»¹⁰³. Прот. И.И. Восторгов также оказался на стороне противников главы правительства, вероятно, почувствовав, что позиции последнего слабеют с каждым днем. На одном из собраний московских монархистов он выступил с обвинением против «бездействующей и разрушающей

церковно-народные устои всесильной самодержавной бюрократии». Перефразировав известное латинское выражение «*dura lex, sed lex*» (суров закон, но это закон), он сказал, что российская бюрократия превратила закон в «дуру», и обвинил правительство в преследовании монархистов¹⁰⁴. В кругу черносотенцев только Марков поддержал Столыпина. На заседании правой фракции Думы он полностью одобрил его действия и, как писало «Русское знамя», «в чрезвычайно резкой, недопустимо некорректной форме отозвался об уволенных в отставку “реакционерах” гг. Дурново и Трепове», говоря, что их «надо было давно гнать из Совета», поскольку «вообще необходимо уничтожить реакцию»¹⁰⁵.

Трагическая гибель Столыпина не примирила с ним правых. Лишь «Московские ведомости» Л.А. Тихомирова отдали ему дань уважения, отметив «его бескорыстные стремления ко благу родины» и признав, что «он рыцарски погиб, бодро и честно на своем посту»¹⁰⁶. Напротив, Соболевский в частном письме утверждал, что, погибнув от руки еврейского террориста, Столыпин получил «законное возмездие за укрытие от следствия и суда еврейской самообороны, Лазаря Полякова и других... выдав под следствие и под суд русских – так называемых погромщиков»¹⁰⁷. «Он всех восстановил против себя, – подводило итоги деятельности Столыпина “Русское знамя” (спустя всего три дня после его смерти), – его одинаково не любили и справа, и слева... Все правые министры и губернаторы подверглись притеснениям и один за другим стали увольняться в отставку. Правая печать подверглась жестокому гонению. Кумовство, произвол и самомнение достигли невероятных, почти неслыханных размеров! Вокруг П.А. Столыпина остались одни только родственники, да... беспринципные бездарности... Чиновная Россия изолгалась, молодежь развращена левой печатью, власти расшатаны политиканством и позорной игрой в парламентаризм, значение Государственного совета умалено, православие унижено»¹⁰⁸. Между тем глава правительства «уверовал в спасительность “конституционности”, и, вместо того, чтобы железною рукою раздавить осиное гнездо жидо-кадетов, он, во имя “конституционности”, дал им возможность расползтись по всей России и, в конце концов, погиб от их руки»¹⁰⁹. В газете считали, что «Господь не допустил» покойного «до греха, в милосердии Своем, послав этому первому министру честную смерть от руки... убийцы... своевременно»¹¹⁰. «Политиканствующий сановник, – гремела газета “Гроза” 24 сентября 1911 г., – возмечтал о себе, как о великом реформаторе, в чем усердно уверяли Столыпина окружавшие его лытые холопы, и он принялся так благодетельствовать Россию, что стон пошел кругом»¹¹¹. В октябре 1911 г. печатный орган СМА «Прямой путь» утверждал, что политический курс Столыпина был скорее либеральным, нежели монархическим, и лишь его национализм заслуживал одобрения, и то не без оговорок¹¹². Впрочем, уже в апреле 1912 г. Пуришкевич во время своей лекции в Харькове заявлял, что столыпинский «“ветеринарно-зоологический национализм” вреден для единства России, и тут сознательное стремление кадетов к ее расчленению находит поддержку в необдуманном разжигании националистических страстей»¹¹³.

Главной виной Столыпина правые считали раскол и фактическое уничтожение монархического движения, служившего, по их мнению, единственной опорой самодержавия. В конце 1911 г. бывший одесский градоначальник И.Н. Толмачев писал: «Угнетает меня мысль о полном развале правых. Столыпин достиг своего: плоды его политики мы пожинаем теперь; все ополчились друг на друга»¹¹⁴. По словам лидера одесских правых Б.А. Пеликана, «правительство разрушило сильную и деятельную организацию СРН и, разрушив ее, не сумело организовать другую»¹¹⁵. Марков впоследствии даже объявил Столыпина главным виновником крушения монархии. Ему казалось, что СРН 1906–1907 гг. с 3–4 тыс. местных отделов «представлял великолепное ядро для образования... государственной организации всенародного монархизма», и если бы тогдашнее правительство поддержало его и осуществило «спасительную мысль о необходимости опереть верховную власть на организованную в мощные монархические союзы лучшую часть народа – история России была бы совсем иная»¹¹⁶.

Примечания

- ¹ Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005.
- ² Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004.
- ³ Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
- ⁴ Богоявленский Д.Д. Николай Евгеньевич Марков и Совет Министров: «Союз русского народа» и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: Прошлое и настоящее: Сборник научных трудов. Вып. 1. Воронеж, 2001. С. 192–205.
- ⁵ Милуков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990. С. 383–384.
- ⁶ Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. М., 1910. С. 197–198.
- ⁷ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 126.
- ⁸ Союз русского народа по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929. С. 242.
- ⁹ Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 126.
- ¹⁰ Государственный архив Владимирской области, ф. 14, оп. 4, д. 2797, л. 7.
- ¹¹ Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. М., 1910. С. 141; Московские ведомости. 1906. № 42.
- ¹² Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. С. 216, 219; Московские ведомости. 1906. № 235.
- ¹³ Черная сотня. Историческая энциклопедия. М., 2008. С. 182.
- ¹⁴ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Минск, 2004. С. 126.
- ¹⁵ Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. М., 1998. С. 184–185.
- ¹⁶ Там же. С. 183.
- ¹⁷ Кирьянов Ю.И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003. С. 271, 278–279.
- ¹⁸ Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. С. 216–219; Московские ведомости. 1906. № 235.
- ¹⁹ Соколов В.П. Страшная правда: обзор управления П.А. Столыпина. СПб., 1907. С. 12, 14.
- ²⁰ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 401.
- ²¹ Патрикеева О.А. Правые на выборах во II Государственную Думу: поиски союзников в предвыборной борьбе // Клио. 2003. № 3. С. 88.
- ²² Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. С. 299–300; Московские ведомости. 1907. № 7.
- ²³ Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. С. 303, 305; Московские ведомости. 1907. № 11.
- ²⁴ Соколов В.П. Указ. соч. С. 13.
- ²⁵ Цит.: по: Патрикеева О.А. Указ. соч. С. 89.
- ²⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 14. С. 26.
- ²⁷ Сборник клуба русских националистов. Вып. 4–5. Киев, 1913. С. 88.
- ²⁸ Соколов В.П. Указ. соч. С. 13–15.
- ²⁹ Русское Знамя. 1907. 1 апреля; Соколов В.П. Указ. соч. С. 1.
- ³⁰ Правые партии... Т. 1. С. 185.
- ³¹ Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. С. 258; Московские ведомости. 1906. № 277.
- ³² Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. С. 260; Московские ведомости. 1906. № 278.
- ³³ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 20–21.
- ³⁴ Геллер М.Я. История Российской империи. Т. 3. М., 1997. С. 237.
- ³⁵ Русское знамя. 1907. 1 апреля; Соколов В.П. Указ. соч. С. 1.
- ³⁶ Соколов В.П. Указ. соч. С. 17.
- ³⁷ Там же. С. 16.
- ³⁸ Богданович А.В. Три последних самодержца... С. 422.
- ³⁹ Там же. С. 425.
- ⁴⁰ Милуков П.Н. Указ. соч. С. 422.
- ⁴¹ См., например: Тверское Поволжье. 1907. 23 марта; Очерк деятельности Воронежского отдела Союза Русского Народа за 1-й год его существования. (22 окт. 1906 – 22 окт. 1907 г.) // Мирный труд. 1908. № 7. С. 99.
- ⁴² Rawson Don S. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995. P. 229.
- ⁴³ Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика. М.; СПб., 2011. С. 66.

- ⁴⁴ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С. 126.
- ⁴⁵ *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 159.
- ⁴⁶ *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 104.
- ⁴⁷ *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в начале XX века. М., 2002. С. 226.
- ⁴⁸ Русское знамя. 1909. 1 июля; *Булацель П.Ф.* Борьба за правду. Т. 2. СПб., 1912. С. 89.
- ⁴⁹ Союз русского народа по материалам... С. 40.
- ⁵⁰ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С. 126.
- ⁵¹ Голос Русского. 1913. 26 марта.
- ⁵² Правые партии... Т. 1. С. 577.
- ⁵³ *Иванов А.А.* Указ. соч. С. 94.
- ⁵⁴ *Степанов С.А.* Черная сотня. С. 224.
- ⁵⁵ *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 451.
- ⁵⁶ Правые партии... Т. 1. С. 577.
- ⁵⁷ *Иванов А.А.* Указ. соч. С. 95; *Степанов С.А.* Черная сотня. С. 225.
- ⁵⁸ Голос Русского. 1909. 17 сентября.
- ⁵⁹ ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 1, л. 11–11 об.
- ⁶⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 138.
- ⁶¹ Союз русского народа по материалам... С. 401.
- ⁶² *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX – 1920). М., 1977. С. 184.
- ⁶³ *Богоявленский Д.Д.* Конфликт в Союзе русского народа: борьба за лидерство в 1907 г. // «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее». «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время». «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Сборник материалов научных конференций. Воронеж, 2005. С. 128.
- ⁶⁴ *Спирин Л.М.* Указ. соч. С. 184.
- ⁶⁵ *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 449, 453.
- ⁶⁶ Правые партии... Т. 1. С. 369.
- ⁶⁷ Там же. С. 596.
- ⁶⁸ Там же. Т. 2. М., 1998. С. 386.
- ⁶⁹ Там же. Т. 1. С. 379.
- ⁷⁰ Цит. по: *Степанов С.А.* Черная сотня. С. 305.
- ⁷¹ *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 71.
- ⁷² Первый Волжско-Камский областной патриотический съезд в Казани // Мирный труд. 1909. № 1. С. 90.
- ⁷³ Речь Г. Шечкова в Государственной Думе // Мирный труд. 1908. № 12. С. 137.
- ⁷⁴ *Аврех А.Я.* Указ. соч. С. 140.
- ⁷⁵ Цит. по: *Аврех А.Я.* Указ. соч. С. 140–141.
- ⁷⁶ Русское знамя. 1909. 26 мая; *Булацель П.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 88.
- ⁷⁷ *Кириянов Ю.И.* Правые партии. 1911–1917. М., 2001. С. 353–354.
- ⁷⁸ *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 474.
- ⁷⁹ ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 1, л. 26 об.
- ⁸⁰ Там же, ф. 117, оп. 1, д. 2, л. 34 об.
- ⁸¹ Правые партии... Т. 1. С. 597.
- ⁸² *Степанов С.А.* Черная сотня. С. 250.
- ⁸³ Переписка и другие документы правых (1911–1913) // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 109.
- ⁸⁴ Падение царского режима. Т. 6. Л., 1926. С. 194–195.
- ⁸⁵ *Кириянов Ю.И.* Правые партии... С. 392.
- ⁸⁶ *Столыпин П.А.* Указ. соч. С. 368.
- ⁸⁷ Падение царского режима. Т. 6. С. 182.
- ⁸⁸ *Столыпин П.А.* Указ. соч. С. 336.
- ⁸⁹ *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 479.
- ⁹⁰ Цит. по: Правые партии... Т. 1. С. 461.
- ⁹¹ Голос Русского. 1909. 17 сентября.
- ⁹² Правые партии... Т. 1. С. 489–490.

- ⁹³ ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 95, л. 6, 7.
- ⁹⁴ Правые партии... Т. 1. С. 24.
- ⁹⁵ ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 95, л. 8 об.
- ⁹⁶ *Шварц А.Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 42–43.
- ⁹⁷ *Королев Ал.* Краткий отчет о деятельности «Кружка русских студентов» за 1905 г. // Мирный труд. 1906. № 2. С. 73.
- ⁹⁸ *Столыпин П.А.* Указ. соч. С. 320, 322.
- ⁹⁹ *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 490.
- ¹⁰⁰ *Аврех А.Я.* Указ. соч. С. 207.
- ¹⁰¹ *Иванов А.А.* Указ. соч. С. 109.
- ¹⁰² *Аврех А.Я.* Указ. соч. С. 211.
- ¹⁰³ ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 121, л. 23.
- ¹⁰⁴ Переписка и другие документы правых 1911 года // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 106.
- ¹⁰⁵ Цит. по: *Степанов С.А.* Указ. соч. С. 246.
- ¹⁰⁶ Московские ведомости. 1911. 6 сентября.
- ¹⁰⁷ Переписка и другие документы правых (1911 год) // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 131.
- ¹⁰⁸ Русское знамя. 1911. 8 сентября; *Булацель П.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 100.
- ¹⁰⁹ Русское знамя. 1911. 8 сентября; *Булацель П.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 100.
- ¹¹⁰ Цит. по: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. С. 358.
- ¹¹¹ Цит. по: *Раскин Д.И.* Идеология правого русского радикализма в конце XIX – начале XX вв. // Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1. СПб., 1992. С. 28.
- ¹¹² *Иванов А.А.* Указ. соч. С. 110.
- ¹¹³ ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 648, л. 16.
- ¹¹⁴ Переписка и другие документы правых (1911–1913) // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 99.
- ¹¹⁵ Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии... С. 395.
- ¹¹⁶ *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Кн. 1. Париж, 1928. С. 118.

© 2012 г. Ф. А. ГАЙДА*

ЭВОЛЮЦИЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА П.А. СТОЛЫПИНА И ДУМСКОЕ БОЛЬШИНСТВО В 1910–1911 ГОДАХ

В 1906–1907 гг. П.А. Столыпиным была намечена широкая программа реформ. Преобразование административного и полицейского аппарата должно было создать систему, способную воспрепятствовать деятельности революционеров. Однако предотвратить развитие революционного движения в стране могло лишь масштабное реформирование всей русской жизни. Прежде всего оно подразумевало постепенное оформление новой политической культуры, расширение политических и гражданских свобод (печати, собраний и союзов), укрепление представительных учреждений, местного самоуправления и суда, постепенное ослабление стеснений национальных и религиозных меньшинств. Создание третьейиюньской октябристской Думы, воплощавшей идею союза общественности и власти, позволяло, по мнению Столыпина, придать этому процессу системный и управляемый характер, содействовать «успокоению» и

* **Гайда Федор Александрович**, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.